

Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы

© 2022

Мария Леонидовна Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

mkalenchuk@yandex.ru

Аннотация: Понятие «позиции» — одно из основных понятий Московской лингвистической школы.

Под «фонетической позицией» понимают условия употребления и реализации фонем в речи, причем принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится. Из этого следует, что, если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, чтобы определить звук, представляющий данную фонему. Лингвисты неоднократно подчеркивали важное ограничение — фонетическая позиция должна определяться чисто фонетическими условиями. Но анализ языкового материала показывает, что процедура приведения фонемы к звуку всегда многоступенчата, с формулированием множества ограничений и условий очень разного (и необязательно фонетического) характера. Это заставляет пересмотреть критерии выделения фонетических позиций и позволяет применить к фонетическим позициям подход, разработанный ранее для выделения орфоэпических позиций. При этом целесообразно ввести понятие «произносительной позиции», которое может объединить понятия фонетической и орфоэпической позиции. Как было показано в более ранних работах автора, между фонетическими и орфоэпическими закономерностями есть общее — обе зоны устроены позиционно. В свете предложенного подхода можно добавить, что объединяет понятия фонетической и орфоэпической позиции и то, что, формулируя эти позиции, мы имплицитно или эксплицитно учитываем и нефонетические факторы разного рода, в первую очередь грамматические и лексические. Можно заключить, что звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и произносительной позиции, которая интегрирует традиционные понятия фонетической и орфоэпической позиции и учитывает любые языковые факторы, способные влиять на реализацию фонемы конкретным звуком.

Ключевые слова: орфоэпия, русский язык, фонетика, фонетические позиции, фонология

Для цитирования: Каленчук М. Л. Позиция фонетическая, орфоэпическая, произносительная: новые подходы. *Вопросы языкознания*, 2022, 3: 7–13.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.7-13

Phonetic, orthoepic, pronunciatinal position: New approaches

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

mkalenchuk@yandex.ru

Abstract: The concept of “position” is one of the basic concepts of the Moscow Linguistic School. “Phonetic position” is understood as the conditions of use and realization of phonemes in speech, and it is generally assumed that the realization of a phoneme is completely determined by the quality of its phonetic position. It follows from this that knowing the specific phoneme and its phonetic position is enough to determine the sound representing this phoneme. Linguists have repeatedly stressed

an important limitation — phonetic position should be determined by purely phonetic conditions. But the analysis of linguistic data shows that the procedure for bringing a phoneme to sound is always multi-step, involving formulation of many restrictions and conditions of a very different (and not necessarily phonetic) nature. This makes us reconsider the criteria for the allocation of phonetic positions and allows us to apply to phonetic positions the approach developed earlier for the allocation of orthoepic positions. At the same time, it is advisable to introduce the concept of “pronunciational position”, which can combine the concepts of phonetic and orthoepic position. As it was shown in the author’s earlier works, there is a common thing between phonetic and orthoepic patterns — both zones are arranged positionally. In the light of the proposed approach, we can add that the concepts of phonetic and orthoepic positions are also similar in that, when formulating these positions, we implicitly or explicitly take into account non-phonetic factors of various kinds, primarily grammatical and lexical ones. It can be concluded that phonetic sound is a function of two determinants: a given phoneme and a pronunciational position, which integrates the traditional concepts of phonetic and orthoepic position and takes into account any linguistic factors that can influence the phoneme realization.

Keywords: orthoepy, phonetic positions, phonetics, phonology, Russian

For citation: Kalenchuk M. L. Phonetic, orthoepic, pronunciational position: New approaches. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, 3: 7–13.

DOI: 10.31857/0373-658X.2022.3.7-13

1. Термин «фонетическая позиция» используется большинством лингвистов, описывающих звуковой строй языков, но обычно ему не дается специального определения, он функционирует как синоним словосочетания «положение звука» («позиция / положение гласного звука под ударением», «позиция / положение согласного перед паузой» и т. п.). При этом в самом общем виде под позицией понимают окружение языковой единицы, ее положение относительно других единиц. В большинстве научных школ внимание концентрируется на понятии позиций в фонологии и связывается с оценкой таких позиций с точки зрения выполнения / невыполнения фонемами их функций.

Но для Московской фонологической школы понятие фонетической позиции одно из основных. Но «как ни странно, если учесть значение понятия «фонетическая позиция» для теории МЛШ, термин «фонетическая позиция» не имеет строгого определения. Им пользуются, нередко редуцируя его до однословного «позиция», в связи с описанием чередований» [Лихтман 2000: 33]. М. В. Панов [1979: 97] пишет: «Позицией называются условия произношения звуков. Положение под ударением, положение в первом предупредном слоге после твердых согласных, положение рядом с мягкими согласными и т. д. — все это позиции». Под фонетической позицией понимают «условия употребления и реализации фонем в речи» [Реформатский 1970: 115].

При этом и А. А. Реформатский, и М. В. Панов неоднократно подчеркивают, что явления, связанные с фонетическими позициями, позиционны, а все непозиционные факты не соотносятся с фонетическими позициями.

Принято считать, что реализация фонемы полностью определяется качеством фонетической позиции, в которой она находится: «...звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и фонетической позиции» [Панов 1961: 15]. Из этого следует, что, если известна фонема и фонетическая позиция, в которой она находится, этого достаточно для того, чтобы определить звук, реализующий данную фонему. Например, фонема /д/ в позиции конца знаменательного слова перед паузой будет представлена звуком [т], и неважно, в каком именно слове или морфеме это происходит.

2. В своих работах московские лингвисты неоднократно подчеркивали одно важное ограничение: фонетическая позиция должна определяться чисто фонетическими условиями (качеством соседних звуков при контактном или дистантном их расположении, началом и концом слова или слога, типом слога, положением по отношению к ударению, длиной слова, соотношением с просодическим центром высказывания и т. п.).

Что имеется в виду, когда говорят, что фонетическая позиция должна определяться только фонетическими условиями? Например, понятия начала или конца слова — это фонетические факторы? Обычная формулировка позиционного чередования по глухости-звонкости: на конце слова перед паузой шумные звонкие согласные заменяются глухими (*ca[д]ы́ — ca[т]*). Можно признать формулировку «на конце слова» фонетическим условием, но только если иметь в виду фонетическое слово, а не лексическое или грамматическое. Но обычно это не принимается во внимание. А что делать в следующем случае: *остри́[г]ли — остри́[к] ли* (*остригли волосы — остриг ли он волосы?*)? В обоих примерах одинаковый фонемный состав и фонема /г/ стоит в одной и той же фонетической позиции перед звуком [л'] внутри фонетического слова, но реализация разная. Какая фонетическая позиция регулирует реализацию фонемы /г/? В формулировку позиции, определяющей реализацию фонемы /г/, необходимо включать указание на положение не просто перед звуком [л'], но перед суффиксом -л- прошедшего времени или перед частицей *ли*, что никак нельзя считать фонетическими условиями. Или другой пример — *бе[з] окна́, но скво[с'] окно́*. Шумная звонкая фонема реализуется на конце предлога то глухим, то звонким звуком в одной и той же фонетической позиции перед гласным. Чтобы привести фонему к звуку, необходимо в данном случае оговаривать происхождение предлога — производный он или непроизводный, что никак нельзя считать фонетическим фактором. Подобные примеры можно было бы продолжать и продолжать.

Даже те случаи, когда формулировка приведения фонемы к звуку кажется полностью фонетической, вызывают определенное сомнение. Когда в слове *вода* мы постулируем, что фонема /о/ в первом предударном слоге после твердого согласного реализуется звуком [a⁹], мы имплицитно имеем в виду, что это слово принадлежит к исконно русской лексике и что фонема /о/ стоит в корневой морфеме однокорневого знаменательного слова, что никак нельзя считать фонетическими условиями. Докажем релевантность каждого из перечисленных факторов:

- находится в слове, относящемся к исконно русской лексике, так как в заимствованных словах возможна другая реализация этой фонемы в той же фонетической позиции (*п[о]э́т, б[о]а́*);
- находится в корневой морфеме, так как, например, в приставке возможна другая реализация этой фонемы в первом предударном слоге после твердого (*д[о]вы́боры, с[о]а́втор*);
- находится в однокорневом слове, так как в первой основе сложных и сложносокращенных слов возможна другая реализация этой фонемы в тех же фонетических условиях (*г[о]ста́йна, г[о]рца́д*);
- находится в знаменательном слове, так как, например, в служебных словах возможна другая реализация этой фонемы в той же фонетической позиции (*вд[о]ль у́лицы, т[о] до́ждь, т[о] сне́г*).

Исходя из сказанного выше, можно заключить, что представление о том, что звук — всегда функция только двух заданных параметров — фонемы и фонетической позиции, в которой она находится, — некая иллюзия. Процедура приведения фонемы к звуку всегда многоступенчата, с формулированием множества ограничений и условий очень разного (и необязательно фонетического) характера.

3. Можно было бы возразить, что некоторые из приведенных примеров относятся не к основной системе русского литературного произношения, а к частным произносительным подсистемам — заимствованных слов, служебных слов, сложных и сложносокращенных слов, приставок и т. д. Многие лингвисты считают, что звуковая система русского литературного языка неоднородна, она состоит из ряда подсистем. А почему нельзя описать все фонетические явления как факты одной языковой системы? Специфичность произносительной подсистемы определяется двумя условиями:

- 1) инвентарем составляющих ее фонем (например, наличием фонемы /w/ в заимствованных словах или фонемы /ʏ/ в междометиях при отсутствии этих фонем в основной системе);
- 2) ее структурой, то есть совокупностью внутрисистемных связей между фонемами, тем, как упорядочены и организованы эти элементы, их способностью различаться в сильных позициях и нейтрализоваться в слабых, особенностями позиционного поведения звуков (так, например, в исконно русских словах звук [н] перед [ч'] обязательно заменяется мягким согласным — *ко[н']чик*, а в заимствованных может быть твердым — *фра[н]чайзинг*).

Вопрос о необходимости выделения различных языковых подсистем, характеризующихся своими фонетическими особенностями, неоднократно обсуждался в лингвистической литературе. Различные исследователи, признавая невозможность построения единого описания для всех слов русского языка, предлагают разные критерии для выделения произносительных подсистем, в большинстве своем эти критерии носят нефонетический характер.

Но есть обстоятельство, заставляющее в принципе сомневаться в правильности и необходимости введения понятия подсистемы в фонетике. Например, в союзе *да* произносится звук [э] вне зависимости от места по отношению к ударению (*ты д[э] я́, ты д[э] онí, ты д[э] преподава́тель*). Обычно эта фонетическая «странность», приводящая к нарушению формулы Потемби и наличию одной степени редукции, объясняется тем фактом, что *да* относится к подсистеме союзов (или шире — служебных слов). Достаточно ли констатации того, что *да* — союз для определения поведения в нем гласных? Это было бы так, если бы эта особенность вокализма распространялась на все союзы русского языка, но это не соответствует действительности. Только в этом конкретном союзе наблюдается нарушение обычной для русских слов редукционной схемы.

Другой пример. Известно, что в первых основах сложных и сложносокращенных слов могут произноситься качественно нередуцированные безударные гласные [Каленчук 1993; Скачедубова 2008]. Возможны три разных случая:

- 1) в одних основах никогда не употребляются нередуцированные звуки, например *пяти-* (*п[и́]тиле́тка, п[и́]тиквартíрный*);
- 2) в других всегда произносятся безударные гласные, не подвергшиеся качественной редукции, например *трёх-* (*т[р'о]хáктный, т[р'о]хрублёвый*);
- 3) в третьих возможны варианты, например *мед-* (*м[э́]дока́миссия* и *м[и́]дока́миссия*).

Достаточно ли указания на то, что гласная фонема находится в первой основе сложного или сложносокращенного слова, чтобы определить, каким звуком она будет представлена в речи? Языковой материал показывает, что это не так.

Можно говорить о некотором логическом противоречии. Мы объясняем особенности произношения некоторых слов и морфем их принадлежностью к какой-то лексической или грамматической группе слов, но заключить это можно только после того, как мы констатируем произносительную «странность». То есть не принадлежность к подсистеме определяет особенности произношения, а необычность звуковой формы позволяет отнести слово или морфему к подсистеме. В принятом обычно рассуждении причина и следствие подменяют друг друга. Подобные решения — логически замкнутый круг.

4. Разобранные выше примеры заставляют пересмотреть критерии выделения фонетических позиций и позволяют применить к фонетическим позициям подход, разработанный для выделения орфоэпических позиций.

Автор этой статьи ввела понятие орфоэпической позиции и определила ее как действие «любых факторов, которые могут влиять на реализацию одной и той же фонемы разными звуками при условии тождества фонетических позиций». Языковые факты, приведенные

для доказательства этого положения, позволили выделить орфоэпические позиции весьма разной природы — фонетические, лексические, грамматические, словообразовательные, графические [Каленчук 1993]. При таком подходе под орфоэпической позицией следует понимать любые языковые условия и причины, вызывающие реализацию фонемы конкретным вариантом произношения и опосредующие тем самым связь между фонемой и звуком.

В дальнейшем Л. Л. Касаткин [2017] разработал детальную классификацию орфоэпических условий, разделив все языковые орфоэпические позиции на собственно фонетические и другие языковые — фонологические, лексические, морфематические, морфологические, словообразовательные, стилистические.

Приведем несколько примеров действия орфоэпических позиций (подробнее об иерархии факторов, релевантных для реализации орфоэпических закономерностей [Каленчук 2015; 2021]).

Твердость-мягкость первого звука в сочетании $p[t']$ по-разному реализуется в частотных и более редких словах — произносится только $na[p]tut'ura$, но $a[p']tisticheskij$ и $a[p]tisticheskij$. Необходимо включать лексический параметр — частоту употребления слова — в процедуру приведения фонемы к звуку.

При произношении слов *теснее* и *честнее* имеется сочетание $[c'n']$, но в первом примере первый звук обязательно мягкий, а во втором может быть и мягким, и твердым ($me[c'n']ee$, но $che[c'n']ee$ и $che[sn']ee$). Это происходит потому, что между контактирующими звуками в примере *честнее* стоит фонема $/t'/$, представленная нулем звука, в слове *теснее* такой фонемы нет. Фонологический фактор влияет на сегментную реализацию фонем и принимается во внимание при выведении алгоритма приведения фонемы к звуку.

Тридцати информантам, носителям литературного произношения разного возраста и пола, было предложено прочитать вслух следующие фразы: *Сорви на огороде какой-нибудь зелени к ужину* и *Он настоящий сорви-голова, мать с ним не справляется*. Слово *сорви* употреблено в этих примерах в свободном значении и в составе фразеологизма, что отражается на их произношении. В первом примере ни один из дикторов не произнес мягкого звука $[p']$ в положении перед $[b']$ — только $so[p]vi$. Во втором случае девять участников эксперимента произнесли $so[p']vi$. Подобное устаревшее произношение слова в составе фразеологизма связано с тем, что в устойчивых выражениях «консервируются» многие языковые особенности, в том числе и фонетические. Следовательно, формулируя условия, релевантные для реализации фонемы в рассмотренном случае, необходимо указывать на то, в свободном сочетании слов или во фразеологизме она находится.

Рассмотренные примеры демонстрируют, что сама по себе фонетическая позиция в ее традиционном понимании не определяет реализацию фонем. Орфоэпические позиции детализируют, уточняют фонетическую позицию. Л. Л. Касаткин предложил считать, что «орфоэпическая позиция — это фонетическая позиция, в которой происходит варьирование звуков или фонем и места ударения в слове (словоформе) под влиянием различных языковых и неязыковых факторов» [Касаткин 2017: 181].

5. Позволяет ли предложенное понимание орфоэпической позиции снять отмеченные ранее противоречия при формулировании фонетических позиций? Как представляется, вполне позволяет. Если согласиться, что **фонетическая позиция** — это условия, определяющие функционирование фонем, то в формулировку позиции надо включать любые языковые факторы, способные предопределять реализацию фонемы тем или иным звуком. При этом оказывается, что между фонетическим и орфоэпическим материалом нет принципиальной разницы. Как было показано в более ранних работах автора, между фонетическими и орфоэпическими закономерностями есть общее — обе зоны устроены позиционно [Каленчук 2015]. В свете предложенного подхода можно добавить, что объединяет понятия фонетической и орфоэпической позиции и то, что, формулируя эти позиции, мы имплицитно или эксплицитно учитываем и нефонетические факторы разного рода, в первую очередь, грамматические и лексические.

Вернемся к разобранным выше примерам и посмотрим на них под немного другим углом зрения, позволяющим расширить наполнение термина «фонетическая позиция». В случае *остри[г]ли* — *остри[к] ли* формулировка приведения фонемы к звуку должна выглядеть так: фонема /г/ в положении перед звуком [л'] в позиции перед суффиксом прошедшего времени -л- реализуется звуком [г], а в положении перед частицей *ли* — звуком [к]. В примере *бе[з] окна́*, но *сква[с'] окно́* нужно постулировать, что шумная звонкая фонема в положении перед гласным реализуется звонким звуком на стыке непроизводного предлога со знаменательным словом и глухим — на стыке производного предлога с ударным словом. В примере *вода* фонема /о/ реализуется звуком [а°] в положении первого предударного слога после твердого согласного в корне исконно русского однокорневого знаменательного слова.

А как быть с описанием произношения гласного в союзе *да*? В безударном положении в этом союзе произносится качественно нередуцированный звук [э], и это произношение «прикреплено» к этому конкретно слову. И это один из наиболее частотных факторов, определяющих произношение слова при действии орфоэпической закономерности.

Прикрепленность к морфеме или слову следует также считать особой позицией. В корне слов *модель*, *модельер*, *моделировать* твердая согласная фонема перед /э/. В данном случае вариант произношения прикреплен к определенной морфеме. А в словах *купе* — *купейный* другая ситуация. В первом слове перед /э/ возможна только твердая фонема, а во втором в том же самом корне — и твердая, и мягкая. Следовательно, в данном случае вариант произношения закреплен за словом, а не за морфемой.

Прикрепленность к слову или морфеме надо рассценивать как фактор, который в совокупности с другими условиями определяет реализацию фонемы конкретным звуком. Так, например, фиксируя произношение звуков на месте сочетания букв *иэ*, мы констатируем, что в словах *гигиена*, *спаниель* и *диета* в одинаковых фонетических условиях — между безударным гласным [и°] и ударным [э] — в первом слове обязательно произносится [j], во втором этот звук не произносится никогда, а в третьем возможно произнесение как с [j], так и без него. Произносительная закономерность полностью лексикализована. В формулировку приведения фонемы к звуку необходимо включать указание на конкретное слово, прикрепленность к которому становится компонентом позиции.

6. Снять все выявленные противоречия можно двумя способами. Первый способ — сохранить при выполнении процедуры приведения фонемы к звуку понятия фонетической и орфоэпической позиции. Но вопрос о том, какая позиция фонетическая, а какая орфоэпическая, не имеет однозначного решения. Казалось бы, можно провести границу между ними следующим образом: фонетическая позиция учитывает только фонетические критерии, орфоэпическая — все остальные. Но есть и другой подход к разведению двух типов позиций: фонетическая позиция предсказывает реализацию фонемы стопроцентно, орфоэпическая вероятностно. И тогда распределение фактов между ними меняется, так как фонетические критерии могут и не давать безвариантной реализации фонем. Например, реализация фонемы /j/ звуком [й] или нулем звука на месте начальной буквы *е* в безударных слогах зависит наряду с другими условиями и от того, перед каким слогом — дизным, т. е. слогом с мягким согласным и звуком [и°], или недизным, т. е. с твердым согласным и гласным переднего ряда, — находится фонема /j/. Перед дизным слогом, как показывают данные экспериментов, вероятнее произнесение с [й] (ср. *едини́ца* — *ежеви́ка*; *ехи́дный* — *ежо́вый*).

Другой возможный способ преодоления сформулированных проблем — ввести понятие «произносительная позиция», которое может объединить понятия «фонетической» и «орфоэпической позиции».

Перефразируя цитированное выше определение М. В. Панова, можно заключить, что **звук является функцией двух определяющих: заданной фонемы и произносительной позиции**, которая интегрирует традиционные понятия фонетической и орфоэпической

позиции и учитывает любые языковые факторы, способные влиять на реализацию фонемы конкретным звуком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Каленчук 1993 — Каленчук М. Л. *Орфоэпическая система русского литературного языка*. Дис. ... докт. филол. н. М.: МГПУ, 1993. [Kalenchuk M. L. *Orfoepicheskaya sistema russkogo literaturnogo yazyka* [Orthoepical system of standard Russian]. Doctoral diss. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 1993.]
- Каленчук 2015 — Каленчук М. Л. О позиционном подходе к описанию произносительных явлений. *Русский язык в научном освещении*, 2015, 2(30): 9–20. [Kalenchuk M. L. On the positional approach to the description of articulatory phenomena. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2015, 2(30): 9–20.]
- Каленчук 2021 — Каленчук М. Л. Фонетика и орфоэпия: статус, объект и задачи двух дисциплин. *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература*, 2021, 17(4): 571–581. [Kalenchuk M. L. Phonetics and orthoepy: Status, object, and objectives of the two disciplines. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 2021, 17(4): 571–581.]
- Касаткин 2017 — Касаткин Л. Л. Орфоэпические позиции. *Избранные труды*. Т. 1. Касаткин Л. Л. М.: Издательский дом ЯСК, 2017, 175–190. [Kasatkin L. L. Orthoepical postitions. *Izbrannye trudy*. Vol. 1. Kasatkin L. L. Moscow: YaSK Publishing House, 2017, 175–190.]
- Лихтман 2000 — Лихтман Р. И. О фонетической позиции. *Фортуатовский сборник: Материалы научной конференции, посвященной 100-летию московской лингвистической школы 1897–1997 гг.* Красильникова Е. В. (ред.). М.: Едиториал УРСС, 2000, 33–38. [Likhtman R. I. On phonetical position. *Fortunatovskii sbornik: Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu moskovskoi lingvisticheskoi shkoly 1897–1997 gg.* Krasil'nikova E. V. (ed.). Moscow: Editorial URSS, 2000, 33–38.]
- Панов 1961 — Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке. *Вопросы языкознания*, 1961, 1: 3–19. [Panov M. V. On the delimitative signals in language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1961, 1: 3–19.]
- Панов 1979 — Панов М. В. *Современный русский язык: Фонетика*. М.: Высшая школа, 1979. [Panov M. V. *Sovremennyi russkii yazyk: Fonetika* [Modern Russian language: Phonetics]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1979.]
- Реформатский 1970 — Реформатский А. А. *Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия*. М.: Наука, 1970. [Reformatskii A. A. *Iz istorii otechestvennoi fonologii. Ocherk. Khrestomatiya* [From the history of Russian phonology: An outline and an anthology]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Скачедубова 2008 — Скачедубова Е. С. *Особенности произношения сложных и сложносокращенных слов в современном русском литературном языке*. Дис. ... канд. филол. н. М.: ИРЯ РАН, 2008. [Skachedubova E. S. *Osobennosti proiznosheniya slozhnykh i slozhnosokrashchennykh slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Features of pronunciation of compounds and acronyms in modern standard Russian]. Candidate diss. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, 2008.]

Получено / received 13.11.2021

Принято / accepted 25.01.2022